

ДИСКУССИИ СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

М.А. Маслин

У ИСТОКА ЕВРАЗИЙСТВА. К 100-ЛЕТИЮ ОПУБЛИКОВАНИЯ КНИГИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ТРУБЕЦКОГО «ЕВРОПА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО»

Маслин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: rf@philos.msu.ru

Статья посвящена 100-летию со дня выхода в свет книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920), положившей начало евразийству как идейному пореволюционному течению. Книга инициировала старую русскую философскую традицию интеллигенции, для которой была характерна публикация коллективных философских сборников и последующее развитие их идей в журналах и в общественных дискуссиях («Проблемы идеализма» (1902); «Вехи» (1909) и др.). Книга «Европа и человечество» представляет собой первую часть трилогии, задуманной Трубецким до революции: «Об истинном и ложном национализме» (вторая часть) и «Верхи и низы русской культуры» (третья часть). Трилогию следует рассматривать как единое целое, которое объединено двумя центральными мыслями: первая – «революция в сознании» и вторая – «оправдание национализма». «Революция в сознании» означает отказ от признания романо-германской культуры универсальной моделью общечеловеческой культуры; «оправдание национализма» означает построение нового национализма, неэтнического и неполитического типа, основанного на евразийских культурных ценностях. Общая направленность концепции локальных цивилизаций, основанной Н.Я. Данилевским и продолженной Освальдом Шпенглером, не была близка Н.С. Трубецкому, склонному скорее к культурно-философскому универсализму, чем к партикуляризму теории культурно-исторических типов. Народы и их культуры понимаются Трубецким как «многочеловеческие личности», что определяется самой природой культурного творчества как производства ценностей, т.к. ценности творятся творческими личностями. В книге Трубецкого референтной группой, в которую он включает культуру России, является вовсе не славянство, а целое человечество; подразумевается тем самым, что Россия ввиду множественности культурных матриц, включенных в различные ее этногеографические зоны, традиционно определяемые как «Восток», «Запад», «Север» и «Юг», сама является моделью человечества.

Ключевые слова: русская культура, славянская культура, романо-германская культура, евразийство, «революция в сознании», «оправдание национализма», «истинный и ложный национализм»

Для цитирования: Маслин М.А. У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 4. С. 161–178.

В 2020 г. исполняется 100 лет со дня выхода в свет книги князя Николая Сергеевича Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920), положившей начало евразийству как идейному пореволюционному течению. Автор еще не использует здесь термин «евразийство» и высказывается «от себя», а не от группы единомышленников, которая сложилась очень быстро, свидетельством чего стал первый коллективный сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921), где от имени евразийцев выступают вместе с филологом и лингвистом Н.С. Трубецким также философ (в будущем священник и богослов) Г.В. Флоровский, географ и экономист П.Н. Савицкий, музыковед и эстетик П.П. Сувчинский.

Книга Трубецкого, призвавшего к обсуждению поставленных им проблем, инициировала в эмиграции возобновление старой философской традиции интеллигенции, для которой была характерна публикация коллективных сборников и последующее развитие их идей на страницах журналов и в общественных дискуссиях. Примерами являются знаменитые манифесты русского философского идеализма начала XX в.: «Проблемы идеализма» (1902); «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909); «Из глубины» (1918). Вслед за «Исходом к Востоку» в 1922 г. выходит сборник «На путях. Утверждение евразийцев», а затем один за другим три «Евразийских временника» (1923–1927). В действительности существование евразийства как относительно единого идейного течения раскрывается именно на страницах коллективных сборников. Причем как таковой формат коллективных евразийских сборников, как и значительная часть проблематики евразийской философии культуры, историософии и социальной философии, как представляется, во многом был задан именно книгой «Европа и человечество», определившей идейный облик евразийства в начале его существования.

В двадцатые годы евразийство стремительно растет и развивается, завоевывая особенно большое число сторонников у представителей эмигрантского «потерянного поколения», среди молодых людей, успевших получить в России образование, но вдали от родины не нашедших себе места на чужбине и потерявших дореволюционные интеллигентские иллюзии о дорогой Европе как «стране святых чудес». Молодые евразийцы с недоверием, порой и с неприязнью относились к представителям старшего поколения, называли их «старыми гримзами», считали их идеи устаревшим выражением «дореволюционного сознания», непригодного для понимания российских реалий, прошедших через горнило революций и мировой войны. В личной переписке Трубецкой использует по отношению к носителям «дореволюционного сознания» и более жесткое определение, чем «гримзы», а именно «рамолики» (от французского *ramolli*), т.е. старики, утратившие умственные способности. В переписке Трубецкого этот термин используется по отношению к бывшим идеологам кадетской партии, вроде А.А. Кизеветтера и П.Н. Миллюкова, которые в эмиграции вроде бы отказались от своего прежнего либерализма в духе «феврализма» и временно «ушли из политики», но тем не менее «держат нос по ветру» и «ровняются по новым сквознякам», например эсеровским и монархическим, притом что всем известен их прежний антимонархизм. Даже самые «тонкие и мыслящие» из них, такие как П.И. Новгородцев, не могут рассматриваться в качестве настоящих идейных союзников, о чем пишет Трубецкой Флоровскому в начале 1921 г., сразу по выходе в свет «Исхода к Востоку»: «Не увлекайтесь Новгородцевым!

Это – “то, да не то”. Главное отличие, конечно, в возрасте, в том, что он, как выражается Сувчинский, “пришёл”, а мы “исходим”, – но это очень существенное различие¹. То, из чего «исходили» евразийцы в «Исходе к Востоку», означало, по определению Трубецкого, «революцию в сознании», совершить которую носители дореволюционного сознания были неспособны. Кизеветтер и Милюков оказались в дальнейшем злейшими противниками евразийства, а Новгородцев, хотя и симпатизировал первым евразийским идеям, не смог развить эту симпатию (умер в 1924 г.).

* * *

Для того чтобы придать разношерстным антиевропейским умонастроениям реальную интеллектуальную перспективу, само время требовало появления такого перспективного лидера, который обладал бы выраженной интеллектуальной харизмой и не был ангажирован ни одной партийно-политической группировкой, как правого, так и левого толка. Таким лидером оказался блестящий 30-летний ученый-филолог, выпускник Императорского Московского университета, русский аристократ, увлекавшийся изучением языков и сравнительным языкознанием с гимназических лет, – князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938). Свои первые научные труды Трубецкой написал еще будучи гимназистом, в студенческие годы активно занимался полевыми исследованиями на Кавказе, изучением кавказских языков, антропологическими и этнографическими изысканиями в самобытной фольклорной среде, не затронутой калечащим влиянием германо-романской цивилизации, что дало богатый материал для книги «Европа и человечество». Нельзя сказать, что среди эмигрантов, чутких к восприятию и трансляции антизападнических пореволюционных настроений, не развивались созвучные евразийству по тональности течения, стремившиеся завоевать себе место на остроконкурентном эмигрантском рынке идей, о котором И.А. Бунин сказал: «...эмигрантов не надо кормить, они питаются друг другом». Такие идеи, возникавшие в разное время и в разных местах русского рассеяния, охватывавшие разное число сторонников, несомненно, существовали; они имели определенные сходства с евразийством, в том числе в неприятии контрреволюционного реставраторства и монархизма, но ни одно из них так и не стало серьезным конкурентом для евразийства, опережавшего по влиятельности другие варианты пореволюционного сознания. Среди них сменовеховцы, национал-большевики Н.В. Устрялова, новгородцы, группировавшиеся вокруг журнала христианско-социалистического направления «Новый Град» (Г.П. Федотов, Ф.А. Степун, И.И. Бунаков-Фондаминский), национал-максималисты (утвержденцы) Ю.А. Ширинского-Шихматова, народники-мессианисты П.С. Боранецкого и младороссы А.Л. Казем-Бека. Далеко не все из них сумели сформулировать скольконнибудь цельные и последовательные системы взглядов, но в целом их сравнительный с евразийством неуспех объяснялся, по-видимому, чрезмерной политизированностью, а также иллюзорными надеждами на сотрудничество с советской властью и на эволюцию большевистского режима в национально-государственном направлении. Интеллектуальный потенциал евразийцев, среди которых были первоклассные ученые, такие как

---

¹ Записки русской академической группы в США. Т. XXXVII. Нью Йорк, 2011–2012. С. 42.

богослов Г.В. Флоровский, историк Г.В. Вернадский, экономист П.Н. Савицкий и выдающийся лингвист Н.С. Трубецкой, несомненно, превосходил уровень сменовеховцев и национал-большевиков. Николая Трубецкого, по его собственному признанию, буквально обхаживали сменовеховцы и национал-большевики, надеясь получить «оригинальную идеологию, которую они сами по своей бездарности создать не могут»². Пореволюционные политические иллюзии проявились позже и в евразийской среде, но обозначались они отнюдь не на этапе формирования философской платформы евразийства, задуманной Николаем Трубецким отстраненно от «лево-правой» партийно-политической фразеологии. Не случайно Н.А. Бердяев считал евразийство единственным оригинальным пореволюционным течением, даже несмотря на неприятный ему «этатический утопизм». Выгодным преимуществом евразийства Бердяев считал то, что «евразийцы решительно провозглашают примат культуры над политикой. Они понимают, что русский вопрос сейчас есть прежде всего вопрос духовно-культурный, а не политический вопрос»³.

При всем полифонизме евразийского умонастроения первоначальный толчок к его развитию был дан именно сочинением князя Николая Сергеевича Трубецкого. Книга «Европа и человечество», несмотря на свой малый объем (82 страницы основного текста плюс 6 страниц предисловия – автор скромно назвал свое сочинение брошюрой), смогла пробудить значительное общественное внимание русского зарубежья по ряду причин, среди которых имела место широкая известность княжеского рода Трубецких, в течение столетий служивших России, в том числе известность отца – Сергея Николаевича Трубецкого, ректора Московского университета, и родного дяди автора Евгения Николаевича Трубецкого – философов и публицистов, весьма популярных в среде интеллигенции. Сразу по выходе книги из печати Р.О. Якобсон перевел ее на немецкий язык; К.Б. Ермишина сообщает также о переводах на французский, английский и арабский языки⁴. Но первостепенное значение для успеха имело само качество этого замечательного текста, его новизна, простота и ясность авторских деклараций, за которыми стоял колоссальный объем знаний по истории индоевропейской культуры, индологии, праславянской языковой истории, по угро-финскому, кавказскому языкознанию (это краткий перечень тех областей гуманитарной науки, в которые внес свой вклад 30-летний ученый, знавший 49 евразийских языков и, несомненно, наделенный чертами гениальности). Автор «Европы и человечества» проявил беспрецедентную и редко встречающуюся в эмигрантской среде открытость по отношению к потенциальным соратникам и оппонентам, нигде не выпячивал свою эрудицию, намеренно опускал ссылки на конкретные примеры из русской истории и действительности, равным образом воздерживался и от эмпирических описательных отсылок на иные культуры, утверждая, что в результате таких отступлений пострадала бы «ясность общего плана» в изложении тех мыслей, которые он хотел бы представить «в наиболее ясной и последовательной форме». По существу,

² Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928. М., 2008. С. 22. Интересный материал насчет того, как евразийцев «обхаживали» представители иных пореволюционных течений, содержится в опубликованной К.Б. Ермишиной переписке Н.В. Устрялова и П.П. Сувчинского: Устрялов Н.В. Письма к П.П. Сувчинскому 1926–1930. М., 2010.

³ Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134.

⁴ Ермишина К.Б. Князь Н.С. Трубецкой. Жизнь и труды. М., 2015. С. 58.

это сочинение совершенно невозможно представить горделивой заявкой на интеллектуальное лидерство; по своей общей направленности и стилистике, скорее всего, это было продуманное приглашение к диалогу ко всем заинтересованным лицам.

В том, что это так и есть, убеждает письмо Н.С. Трубецкого к одному из организаторов евразийского движения – П.П. Сувчинскому. Письмо датировано 5 марта 1927 г., т.е. оно написано накануне Кламарского раскола, одним из зачинщиков которого стал как раз перешедший на левые околomarксистские позиции Сувчинский, и касается оно ретроспективной оценки роли и значения «Европы и человечества» для формирования евразийства. Трубецкой выражает недоверие Сувчинскому: вместо того, чтобы высказать конкретные замечания против его «трактата», последний стал интриговать против него, и «это может ослабить наше единство». Тогда как целью автора трактата было не разъединение, а соединение евразийских сил, причем эта цель по-прежнему актуальна для евразийской идеи, как ее понимает Трубецкой, хотя и выявились налицо идеологические разногласия. Ради этой цели надо не демонстрировать авторское самолюбие, оперировать средствами «субтильной казуистики», напускать «метафизический туман» и «жонглировать бессодержательными философскими понятиями». Трубецкой намекает на зятя П.П. Сувчинского – Л.П. Карсавина, действительно любившего сложные словесные и философские конструкции (он стал главным философом евразийства после ухода из движения Г.В. Флоровского). Нужна отчетливая программная позиция: «Мой трактат был замыслен для удовлетворения вполне определенной задачи. Он должен был дать в максимально общедоступной форме логически-убедительную и явственную систему конкретных положений, причем предполагалось, что эта система будет подвергнута дискуссии, соответственно с результатами этой дискуссии видоизменена, а затем издана»⁵.

В научной литературе в свое время было высказано мнение относительно того, что Трубецкого надо считать «Карлом Марксом» евразийства, учитывая его роль идейного основателя. При всем уважении к автору этого мнения, ныне покойному профессору Московского университета В.Я. Пащенко⁶, который был одним из пионеров исследования этого идейного течения, нелишне заметить, что оно едва ли отражает особенности творческой личности автора «Европы и человечества». Если Маркс не терпел нападок на себя и на свое учение, то Трубецкой, напротив, сам инициировал дискуссии вокруг своих трудов, что должно было придать построению евразийства характер живого творческого обсуждения. Кроме того, теория Маркса в целом осталась на позиции европоцентризма, решительно отвергавшегося основателем евразийства, и не содержала предвидений о том, что основные перевороты, изменившие Европу и мир в целом, произойдут в XX в. отнюдь не в Европе, в главных странах капитализма. Они произошли на периферии капитализма, в России, Турции, Китае, Иране и Латинской Америке.

⁵ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому. С. 239.

⁶ Пащенко В.Я. Идеология евразийства. М., 2000. С. 221. В.Я. Пащенко завершал свою работу о евразийстве еще в конце советского времени, когда сведений о нем было очень мало, и для привлечения внимания к теме назвал Н.С. Трубецкого «Карлом Марксом», а П.Н. Савицкого – «Фридрихом Энгельсом» евразийства.

Замысел трактата Трубецкого отнюдь не предполагал специальное дискурсивное рассмотрение проблематики философии культуры, притом что общая культурфилософская направленность этого произведения очевидна и не подлежит сомнению. «Заходы» на евразийскую тематику лишь обозначены в «Европе и человечестве», они были продолжены во второй («Об истинном и ложном национализме») и третьей («Верхи и низы русской культуры») частях задуманной им трилогии, опубликованных уже в первом евразийском сборнике «Исход к Востоку». Поэтому все три части трилогии следует рассматривать как единое произведение, а первую ее часть – «Европа и человечество» – как вводную. Трубецкой ни в каких связях и отношениях, критических или апологетических, не ссылается на идеи и построения каких-либо теоретиков культуры и цивилизации, как российских, так и зарубежных, хотя его мысли обнаруживают определенные внешние и внутренние сходства с «Россией и Европой» Николая Данилевского и постфактум – с «Закатом Европы» Освальда Шпенглера.

В этой связи неосновательной является, на первый взгляд, эффектная, но в действительности некорректная квалификация Трубецкого в качестве «русского Шпенглера», принадлежащая А.Г. Дугину. В «Европе и человечестве» нет ни единого упоминания имени Шпенглера; как философ культуры Трубецкой развивался совершенно независимо от его концепции: по его собственному признанию, замысел книги «Европа и человечество» был разработан им еще на студенческой скамье, когда имя Шпенглера было совершенно неизвестно. Надо сказать также, что общая направленность концепции локальных цивилизаций, основанной Н.Я. Данилевским и продолженной Шпенглером, также не была близка Н.С. Трубецкому, склонному скорее к культурно-философскому универсализму, чем к партикуляризму теории культурно-исторических типов. Против отнесения Трубецкого к теоретикам локальных цивилизаций свидетельствует его нежелание заниматься описанием культурно-исторических типов по типу самостоятельных цивилизационных организмов. Народы и их культуры понимаются Трубецким как «многочеловеческие личности», что определяется самой природой культурного творчества как производства ценностей, ибо ценности творятся личностями. В письме П.П. Сувчинскому от 30.11.1925 г. он следующим образом разъясняет сущность России-Евразии как единой многосоставной симфонической личности: «Россию-Евразию мы мыслим именно так, ибо исходим из убеждения, что между разными народами, ее населяющими, существует внутреннее духовное родство, позволяющее им объединиться в одну хорошую личность»⁷.

Однако Трубецкого с Данилевским сближает отрицательное отношение к представлению европейской культуры в качестве «общечеловеческой цивилизации», поскольку слова «человечество» и «общечеловеческая цивилизация» являются, по его оценке, крайне неточными выражениями. «Европейская культура не есть культура человечества. Это есть продукт истории определенной этнической группы»⁸. Подразумеваются германские и кельтские племена, подвергшиеся в свое время влиянию римской культуры; столкнувшись с памятниками римской и греческой культуры, они «вынесли на поверхность» идею сверхнациональной мировой цивилизации, носителями

⁷ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому. С. 156–157.

⁸ Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. Европа и Евразия. М., 2014. С. 11.

которой выступали народы весьма ограниченной этногеографической группы, а именно народы бассейна Средиземного моря. Таковы, по Трубецкому, реальные исторические предпосылки европейских космополитических теорий, благодаря им античные космополитические идеи «породили теоретические основания так называемого европейского “космополитизма”, который правильнее было бы называть откровенно общегерманороманским шовинизмом»⁹.

В книге Трубецкого референтной группой, в которую он включает культуру России, является вовсе не славянство, а целое человечество; подразумевается тем самым, что Россия ввиду многосоставности культурных матриц, включенных в различные этногеографические зоны, традиционно определяемые как «Восток», «Запад», «Север» и «Юг», сама является моделью человечества. Универсализм Трубецкого, его готовность привести буквально сотни доводов в пользу разнообразных влияний и взаимовлияний на русскую культуру со стороны туранского элемента, соседних тюрок, угрофиннов и кавказцев, категорически расходится с представлениями теоретиков локальных цивилизаций о русской культуре как саморазвивающемся, самодостаточном и замкнутом органическом образовании. Согласно Трубецкому, русская евразийская культура несет в себе черты как универсализма, так и самобытности, понятой, разумеется, не как «само по себе бытие», а как уникальное единство в многообразии, за которым стоит тысячелетняя традиция разноликих культурных обменов и связей. Уже в первом коллективном манифесте евразийства «Исход к Востоку» Трубецким была подчеркнута мысль об особом характере русской культуры и необходимости ее всестороннего, максимально широкого познания: «Та культура, которой всегда жил русский народ... представляет из себя совершенно особую величину, которую нельзя включить без остатка в какую-либо более широкую группу культур или культурную зону»¹⁰. Наиболее убедительные доводы в пользу величия и самобытности русской культуры Трубецкой находит в сфере используемого ею русского языка: «Россия-Евразия – страна наследница. Волею судеб ей приходилось наследовать традиции, возникшие первоначально в иных царствах и у иных племен, и сохранять преемство этих традиций даже тогда, когда породившие их царства и племена погибали, впадали в ничтожество и теряли традиции. Так унаследовала Россия традицию византийской культуры и хранила ее даже после гибели Византии, унаследовала Россия и традицию монгольской государственности, сохранив ее даже после впадения монголов в ничтожество, наконец, наследовала Россия и церковнославянскую литературно-языковую традицию, и хранила ее, в то время как гибли один за другим древние центры и очаги этой традиции»¹¹.

В отличие от Данилевского, автор «Европы и человечества» не строит оптимистических иллюзий относительно будущего славянского культурно-исторического типа и не видит никаких причин считать, что славянство со временем превратится в особую жизнеспособную креативную цивилизацию. В этом отношении Трубецкой гораздо ближе стоит не к славянофилам,

⁹ Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. Европа и Евразия. М., 2014. С. 12.

¹⁰ Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 96.

¹¹ Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания: Собр. ст. Париж, 1927. С. 94.

порой впадавшим в идеализацию славянства, получившую во времена русско-турецкой войны название «славянобесия», а к «эстетическому консерватору» Константину Леонтьеву, который считал, что славяне слишком далеко продвинулись по пути «упростительного смешения» под влиянием романо-германства. Тезис Леонтьева «славянство есть, славизма нет» он вполне разделял на основе данных филологической науки, считая, что «язык, и только язык связывает славян друг с другом»¹². Как ученый-филолог и лингвист он конкретизирует эту мысль следующим образом: «Русский литературный язык есть общеславянский элемент в русской культуре и представляет из себя то единственное звено, которое связывает Россию со славянством. Говорим “единственное”, ибо другие связывающие звенья призрачны. “Славянский характер” или “славянская психика” – мифы. Каждый славянский народ имеет особый психический тип, и по своему национальному характеру поляк так же мало похож на болгарина, как швед на грека. Не существует и общеславянского физического, антропологического типа. “Славянская культура” – тоже миф, ибо каждый славянский народ вырабатывал свою культуру отдельно, и культурные влияния одних славян на других несколько не сильнее влияния немцев, итальянцев, турков и греков на тех же славян. Этнографически славяне принадлежат к различным этнографическим зонам»¹³.

Замысел Трубецкого вовсе не заключался в том, чтобы комплиментарное для русской культуры (хотя только по языковому признаку) славянство могло составить в Европе некую зону противостояния романо-германству. У Трубецкого речь не идет о противопоставлении «России и Европы», в отличие от того, что было предпринято Данилевским в одноименной книге. Замысел Трубецкого гораздо масштабнее, он подчеркивает, что его размышления относятся ко всему неромано-германскому человечеству и «касаются не только русских, но и всех других народов, так или иначе воспринявших европейскую культуру, не будучи сами ни романцами, ни германцами»¹⁴.

Мобилизующее значение книги Трубецкого состояло в призыве, адресованном не только к русской, но и шире – евразийской интеллигенции, занятой, как и все евразийские народы «переоценкой ценностей» после Великой войны, закончившейся, как он пишет, «миром», о котором до сих пор приходится писать в кавычках и радикально поколебавшим веру в «цивилизованное европейское человечество», развязавшее кровавый пожар, в огне которого сгорели не только империи, но и выработанные веками культурные ценности. Упомянутая «переоценка ценностей», не устает повторять Трубецкой, заставляет все евразийские или, как он пишет, «негерманороманские народы» задуматься и «разобраться в своих собственных размышлениях по этому поводу». Адресуясь к целому кругу народов, а не только к русскому народу и его интеллигенции, Трубецкой таким образом проясняет причину этого: «И если я выпускаю свою книгу в свет на русском языке, так это просто потому, что своя рубашка ближе к телу, и что для меня более всего важно, чтобы мои мысли были восприняты и усвоены именно моими соотечественниками»¹⁵. Главное в этих мыслях – призыв к углубленному

¹² Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. С. 93.

¹³ Там же.

¹⁴ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. С. 6.

¹⁵ Там же.

самопознанию своей собственной национальной культуры. Если главный урок прошедших катастрофических событий состоял в том, что «Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли “Русскою культурой”», то в послевоенную и пореволюционную эпоху необходима организация усилий по преодолению инерции этого простого свидетельства как свершившегося факта и переходу к созданию идейного объединения патриотически и национально мыслящих единомышленников: «Для тех, кто примет защищаемые мной положения, эти последние явятся одним из указаний на то направление, в котором должна вестись эта переоценка. Не подлежит сомнению, что та работа, как теоретическая, так и практическая, которая вытекает из принятия основных положений, должна быть работой коллективной. Бросить определенную мысль, поднять известное знамя может один. Но разрабатывать целую систему, основанную на этой мысли, прилагать эту мысль на практике должны многие. К этой-то коллективной работе я и призываю всех тех, кто разделяет мои убеждения»¹⁶.

В чем же состояла «определенная мысль», брошенная Трубецким в общую евразийскую копилку, и в чем состояла ее новизна и тот мобилизующий эффект, который эта мысль несомненно произвела, при всей разношерстности евразийского объединения, включавшего разные философские установки и воззрения? Эта мысль артикулирована и достаточно подробно разъяснена самим автором «Европы и человечества» сразу по выходе из печати этой книги в письме к Р.О. Якобсону, единомышленнику и товарищу по «филологическому цеху», известному ученому, развившему некоторые положения учения Трубецкого, в частности его мысли о «евразийском языковом союзе» (хотя в целом Якобсон не был сторонником евразийства). В письме от 7 марта 1921 г. Трубецкой от первого лица уточняет цели и задачи, поставленные автором в книге «Европа и человечество»: «Эта книга была задумана мною уже очень давно (в 1909–10 г.) как первая часть трилогии, носящей название “Оправдание национализма”. Первая часть должна была иметь заглавие “Об эгоцентризме” и посвящалась памяти Коперника; вторая часть должна была называться “Об истинном и ложном национализме” с посвящением памяти Сократа; третья, наконец, под заглавием “О русской стихии” должна была посвящаться памяти Стеньки Разина или Емельки Пугачева. Теперь я заменил заглавие первой части более ярким “Европа и человечество” и опустил посвящение Копернику, как претенциозное. Назначение этой книги чисто отрицательное. Никаких положительных, конкретных руководящих принципов она давать не собирается. Она должна только свергнуть известные идола и, поставив читателя перед опустевшими пьедесталами этих идолов, заставить его самого пошевелить мозгами, ища выхода... Существенное в книге – это отвержение эгоцентризма и “эксцентризма” (полагания центра вне себя, в данном случае – на Западе). И главное требование, вытекающее из этого, единственный возможный выход (точнее: направление к выходу) мною указан: это революция в сознании, в мировоззрении нероманогерманских народов. Без этой революции никакой выход невозможен»¹⁷.

Сущность той «революции в сознании», о которой говорит Трубецкой, состоит в отказе от «захватных стремлений романо-германский цивилизации», объявляющей себя «пупом земли», тогда как необходимо понять, что

¹⁶ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. С. 7.

¹⁷ Письма и заметки Н.С. Трубецкого. М., 2004. С. 12–13.

все культуры равноценны, что высших и низших культур не существует – «вот все, что требует моя книга от читателя. Но как сказано, это мало понять, это надо прочувствовать, выстрадать, этим надо вполне проникнуться»¹⁸. В этом, разъясняет Трубецкой, и заключается та «революция в сознании», которая состоит в свержении идолов эксцентризма, т.е. национального высокомерия и шовинизма. Достаточно легко понять причины экспансии «космополитизма и общегерманороманского шовинизма», распространявшегося в мире с большой быстротой, если принять во внимание особые исторические и этногеографические обстоятельства расширения или, по выражению Трубецкого, «радиации» европейской культуры. Гораздо труднее понять, по Трубецкому, – почему космополитов германо-романского толка очень много среди обладающих собственными богатыми культурными традициями славян, арабов, турок, индусов, китайцев и японцев. Автор «Европы и человечества» ставит вопрос: «Почему русский интеллигент с возмущением отвергает мысль о том, что он может служить орудием немецких юнкеров-националистов, между тем как подчинение общегерманороманским шовинистам того же русского интеллигента не страшит?»¹⁹. Очевидно, здесь имеет место «гипноз слов»: «человечество», «общечеловеческой», «цивилизация», «мировой прогресс» и т.п., внедренных в общее употребление в результате германо-романской пропаганды, но не имеющих реального содержания.

Между тем для того, чтобы дать ответ на притязания романогерманцев на звание вождей цивилизованного человечества, необходимо решить три вопроса: 1. Можно ли доказать, что культура германороманцев совершеннее всех прочих культур, ныне существующих или когда-либо существовавших? 2. Возможно ли полное приобщение народа к культуре, выработанной другим народом без антропологического смешения обоих народов? 3. Является ли приобщение к европейской культуре (поскольку такое приобщение возможно) благом? На все эти вопросы Трубецкой дает отрицательные ответы, тем самым конкретным образом показывая, что выстраивание некоей эволюционной лестницы классификации народов и культур по признаку их большего или меньшего сходства с романогерманцами не имеет научного обоснования; такое выстраивание необъективно, отдает расизмом и определяется лишь «чисто субъективной эгоцентрической психологией».

Особенно актуальными не только для двадцатого, но и для двадцать первого столетия представляются рассуждения Трубецкого на темы культурной антропологии, связанные с разоблачением расистских уничижительных противопоставлений «сложной» европейской культуры, основанной на обширном «умственном багаже», с «примитивной» и наивной культурой дикарей – «детей природы». Однако эти «дети природы» хранят в своем уме огромные запасы сведений об окружающем мире. Этот «примитивный» дикарь «в совершенстве изучил жизнь окружающей его природы, знает все привычки животных, такие тонкости в их быте, которые ускользают от пытливого взора внимательного европейского натуралиста»²⁰. Несмотря на то что брачно-семейные отношения в романо-германской цивилизации регулируются специальным законодательством, освящающим моногамную семью,

¹⁸ Письма и заметки Н.С. Трубецкого. С. 13.

¹⁹ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. С. 17.

²⁰ Там же. С. 38.

«рядом с нею уживаются разнузданная половая свобода, которую общество и государство теоретически осуждают, но практически допускают»²¹. Развивая эту мысль, надо добавить, что в современном западном обществе и теоретически, и практически оправдывается промискуитет; в гражданском законодательстве на смену традиционной моногамной семье приходят однополые браки, где вместо мам и пап фигурируют суррогаты под названием «родитель номер один» и «родитель номер два». Лицемерному европейскому законодательству в этой области Трубецкой противопоставлял основанный на обычном праве институт брака у австралийских аборигенов, где при отсутствии индивидуальных браков в действительности принимались все необходимые меры для воспитания детей и недопущения кровосмешений.

В упомянутом выше письме Р.О. Якобсону, где подчеркивается основная руководящая мысль «Европы и человечества», а именно – «оправдание национализма», Трубецкой разъясняет, что основанная им идейная платформа для евразийства может быть понята лишь при вчитывании в полный текст всей его трилогии, которая представляет собой единое целое и включает работы «Об истинном и ложном национализме» и «Верхи и низы русской культуры». Первая работа трилогии, т.е. «Европа и человечество», нацелена в основном на разоблачение «идолопоклонства» перед германороманской культурой и ставит вопрос об «оправдании национализма» лишь в общих чертах. В устоявшемся смысле слова Трубецкой не был националистом, ни политическим, ни этническим, поскольку вместо термина «нация» использовал понятия «народ» и «народность». В действительности Трубецкой призвал к выработке у интеллигенции патриотического сознания в виде «общеевразийского национализма», который должен прийти на смену «эксцентризму», когда основные культурные ресурсы находятся в неестественном состоянии подражания, имитации и в итоге – подчинения чужому центру. Здесь Трубецкой делает исключение из принятого в своем трактате способа изложения и дает ссылку на конкретные идеи социально-психологической теории подражания французского социолога Габриэля Тарда, которую, однако, он трактует по-своему, не в качестве объяснительной модели социального поведения индивидов, а в качестве своеобразной концепции межкультурной коммуникации, т.е. механизма передачи ценностей от одной культуры к другой.

Трубецкой согласен с тем, что трансляция ценностей действительно напоминает подражание, стремление быть «такими как они». Такие сознательные или бессознательные заимствования культуры являются самым обычным способом движения и накопления ценностей, особенно технологических достижений и открытий, хотя такая преемственность не обязательно является позитивной, она может быть и негативной, конкурентной, тем, что Тард называет «борьбой за первенство» (*duel logique*). «Раз возникнув, – пишет Трубецкой, – открытие распространяется среди других людей путем “подражания” (*imitation* – тоже термин Тарда), причем это слово надо понимать в самом широком смысле, начиная с воспроизведения самой культурной ценности или воспроизведения способа удовлетворять данную потребность при помощи этой ценности, и до “симпатического подражания”, т.е. подчинения созданной

²¹ Трубецкой Н.С. Европа и человечество. С. 39–40.

норме, усвоения данного положения, предполагаемого истинным, или преклонения перед достоинством данного произведения»²².

Трубецкой считает недостатком у Гарда то, что он преувеличивает роль подражания и недооценивает роль традиций и наследственности, которые очень важны для осуществления непрерывности и органичности в развитии культуры. Наследственность дополняет собой традицию, и при ее помощи из поколения в поколение передаются вкусы, предрасположения и темпераменты всех тех, кто творил культурные ценности в прошлом. Вот почему наличность общего запаса культурных ценностей, так сказать, «базовый культурный капитал», определяется не способностью и степенью интенсивности подражания иным культурам, а наличием собственных традиций и, соответственно, их наследованием. Именно наличие собственных традиций придает той или иной культуре черты «эгоцентризма» вместо «эксцентризма».

Таким образом, для собственного развития всякой национальной культуры в сфере творчества, в искусстве, политике, вообще во всякого рода деятельности «эгоцентризм», или самоуважение, является необходимым. Он-то и составляет содержание того «оправдания национализма», которое является главным стержнем и новизной работы «Европа и человечество». Разъясняя смысл этого «эгоцентризма» в письме к Р.О. Якобсону, Н.С. Трубецкой пишет, что «это должен быть эгоцентризм облагороженный, не бес-сознательный, а сознательный, связанный с релятивизмом, а не с абсолютизмом. Я нахожу его в сократовском принципе “познай самого себя” – что то же – “будь самим собой”. Всякое стремление быть не тем, что я есть на самом деле, всякое “желание быть испанцем”, как говорит Козьма Прутков – ложно и пагубно. “Познай самого себя” есть принцип универсальный, абсолютный и вместе с тем относительный. Этим принципом и надо руководиться при оценке, безразлично, идет ли дело об отдельном человеке или народе»²³.

Антиподами общевразийского национализма являются космополитизм и большевистский интернационализм, которые равным образом заслуживают решительного осуждения. Более того, интернационализм, проповедуемый марксизмом, является наиболее законченной, «обнаженной» формой романогерманства, поскольку он не дает отдельным людям и народам познать самих себя и стать самими собой, и даже наоборот – заставляет их «быть не тем, что они есть». Проповедуемое марксизмом восстание «низов» против «верхов» романогерманцев является мнимым, т.к. «те, кто из низов, пролезет в верх, сами сделаются такими же, как те, кто сейчас наверху». В этом отношении идеи социализма и коммунизма принципиально не отличаются от романогерманства, являясь на самом деле его последней и наиболее изощренной формой. В любой культуре различия между «верхами» и «низами» неустранимы, так же как неустранимы различия между отдельными людьми и целыми народами. Однако дистанция между «верхами» и «низами» не должна быть китайской стеной, затрудняющей коммуникацию между ними. Ведь в действительности «низы» составляют большую часть народа, у которого «своя правда», отнюдь не совпадающая с «правдой верхов», а на деле германороманцев.

²² Трубецкой Н.С. Европа и человечество. С. 44.

²³ Письма и заметки Н.С. Трубецкого. С. 13.

В России сохранился «тот единственный уголок русской жизни, та часть здания русской культуры, в которой византийские традиции не были вполне вытеснены «европеизацией» – это русская православная церковь. Она «оказалась поразительно живучей и во время общего крушения не только не рухнула, но вновь приняла свою исходную форму»²⁴. Соглашаясь со славянофилами в том, что русская культура и русская судьба неразрывно связаны с православием, Трубецкой выступил против славянофильских представлений «о славяно-русском мире как о культурном целом». Отсюда евразийская замена понятия «славяно-русский культурный мир» на понятие «евразийско-русский культурный мир». Русская идентичность здесь понимается не этнически, а пространственно, как производная от земли, т.е. от природно-географического евразийского бытия русского народа, занимающего в истории свою территорию и сформировавшего здесь свои особенные ментальные характеристики. Отрицание моноэтнического содержания русского национализма, согласно такой позиции, нисколько не принижает своеобразия русского национального сознания, в основе которого – религиозно-культурная и национальная идея Москвы, как наследницы Византийского царства и потому действительного средоточия христианского мира. В процессе европейской модернизации эта идея была извращена и заменена на европейскую позитивно-политическую идею империи, в результате чего Российская империя оказалась неожиданным союзником вчерашнего врага – Европы. У Трубецкого отчетливо проявляется критическое отношение к петербургскому периоду российской истории в целом и к европейской идее империи, германо-романской, но вовсе не евразийской по своему происхождению. Однако критика имперского этатизма не распространялась на признание им высоких достижений русской культуры, многие из которых были осмыслены и развиты самим автором «Европы и человечества».

В России, по Трубецкому, получили развитие два основных типа ложного национализма – имперский шовинизм в подражание немецкому, который стал внедрять Петр I, а также национализм «самостийников», разросшийся в пореволюционный период. Трубецкой считал, что в основе национализма первого рода, идущего от реформ Петра I, было «соединение империализма и национального тщеславия с оскорблением национального чувства и религиозных основ русской жизни»²⁵. Примеры второго типа национализма особенно размножились после революции, когда в поисках «национального самоопределения» различные маленькие нероманогерманские народы, ранее не имевшие своей государственности, начинали разыгрывать из себя «великую державу», в которой всё «как у господ» (Трубецкой имеет в виду «разных самостийников вроде грузин, эстонцев, латышей и проч.»).

В качестве особой формы ложного национализма Трубецкой выделяет также тот тип культурного российского консерватизма, который формально направлен на самопознание русской культуры, однако отождествляет национальную самобытность «с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями или формами быта и не допускает изменение их даже тогда, когда они явно перестали удовлетворительно воплощать в себе национальную психику»²⁶. Такой национализм, инициированный «верхами»,

²⁴ Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н.С. Европа и Евразия. М., 2014. С. 106.

²⁵ Трубецкой Н.С. Письма к П. П. Сувчинскому. М., 2008. С. 105.

²⁶ Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме. С. 85.

по существу отрицает любые изменения культурных форм и естественную для всякого культурного организма горизонтальную преемственность. В таком случае происходит разрыв между «верхами» и «низами» в культуре, ведущий к «застою, предвестнику смерти». Под националистическим консерватизмом подобного рода Трубецкой подразумевал монархизм как наиболее распространенное «бытовое» умонастроение в эмигрантской среде и как один из подлежащих слому реликтов дореволюционного сознания.

Очевидно, Трубецкой преувеличивал степень тотальной приверженности интеллигенции романогерманству. Как представляется, это вызвано агитационными целями в пользу евразийства; сам автор «Европы и человечества» говорил, что он порой жертвовал академизмом в пользу «ударности», стремясь быть впереди других конкурентных представителей «пореволюционного сознания». В письмах 30-х гг. к Савицкому он высказывал сожаление о том, что у него не было ни времени, ни возможностей для того, чтобы заниматься «научной систематизацией» предъевразийских идей. В действительности в России и до Трубецкого были представлены предъевразийские идеи, направленные на самопознание русской культуры, имевшие с евразийством немало внешних и внутренних сходств и утверждавшие, вопреки европоцентризму, что «Восток не вне нас, а внутри нас». Кроме К.Н. Леонтьева в этом ряду в качестве «первого предъевразийца» следует назвать политика, дипломата и ученого С.С. Уварова (1786–1855), одного из основоположников российской ориенталистики, русского просвещенного консерватора, который понимал, что вектор развития России должен быть более решительно повернут в сторону Востока. В «Проекте Азиатской академии» и в других своих программных заявлениях Уваров выступал не просто как поклонник мудрости Востока, его древностей и ценностей, но как русский геополитик, считающий то, что впоследствии евразийцы назвали «Исходом к Востоку», – движением в сторону коренных и ничем не заменимых национальных интересов России: «Россия, граничащая с Азией и владеющая всей северной частью этого континента, разделяет с другими державами нравственный интерес, руководимый ими в их благородных предприятиях, но кроме того, у нее имеется еще и интерес политический, столь очевидный и неоспоримый, что одного беглого взгляда на карту достаточно, чтобы в нем убедиться. Россия, можно сказать, лежит на Азии. Почти со всеми восточными народами она имеет общую сухопутную границу гигантской протяженности. Поэтому с трудом можно поверить в то, что из всех европейских стран именно в России меньше всего уделяют внимания изучению Азии. Достаточно самых элементарных политических понятий, чтобы оценить преимущества, которые Россия могла бы извлечь из серьезных занятий Азией. Россия, имеющая столь тесные отношения с Турцией, Китаем, Персией, Грузией, смогла бы не только содействовать в огромной степени общему прогрессу просвещения, но еще и удовлетворить свои наиболее дорогостоящие потребности. Никогда еще государственные соображения не были в таком согласии с великими видами нравственной цивилизации»²⁷. Ориентализм Уварова и евразийцев сближает особое отношение к азиатской цивилизации как «наиболее древней и наиболее интересной», стоящей, по определению Уварова, «ближе всего к фундаментальным понятиям человечества». Среди других предтеч евразийства – философ Н.Н. Страхов, автор книги «Борьба с Западом в нашей литературе» (1883), и оригинальный

²⁷ Уваров С.С. Проект Азиатской академии // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010. С. 68–69.

религиозный философ В.Ф. Эрн, которого Н.А. Бердяев назвал «типичным евразийцем по настроению»²⁸.

Таким образом, провозглашенный евразийцами «Исход к Востоку» возник не на пустом месте и не был каким-то результатом эпатажной саморекламной евразийской агитации и пропаганды, как утверждали противники евразийства, приписывавшие ему намерения «объязатить Россию» и ее культурные достижения. Среди них был, например, либеральный историк А.А. Кизеветтер. Возмущенный напечатанной в эмигрантской газете «Руть» статьей Кизеветтера «Евразийство» (от 10.01.1925), где проводилась подобная точка зрения, Трубецкой дал ему отповедь как опытный ориенталист-профессионал: «Вы не можете не знать, что безграмотное, с точки зрения всякого ориенталиста, противопоставление европейской культуры какой-то культуре “Азии” совершенно не свойственно ни одному из евразийских писателей. Вы не можете не сознавать, что Ваш притворно недоуменный вопрос “почему бы русскому народу и самому от себя не внести что-нибудь веское и ценное в культурное достояние человечества” есть не более как передержка, не находящая опоры ни в одном из евразийских сборников»²⁹.

Обвинения в «русском расизме» и чуть ли не в антисемитизме, исходившие от другого противника евразийства – П.Н. Милюкова, также являлись откровенно лживыми³⁰. Истинной реакцией Трубецкого на расизм и на приход Гитлера к власти была публикация в 1935 г. статьи «О расизме», где он осудил идею расовой чистоты и в очередной раз повторил мысль о том, что русский народ является примером этнического союза славян, евреев, тюрков, кавказцев и других евразийских народов³¹. Характерно, что «общеевразийский национализм» поддерживали не только русские, но и представители других национальностей, например религиозный еврей Яков Бромберг³² и калмык Эренжен Хара-Даван³³. В письме Савицкому Трубецкой сообщает также о турецком симпатизанте евразийству Ahmetzeki Validi (А. Валидове), башкире по национальности, бывшем профессоре Стамбульского университета по кафедре истории тюркских народов, «превосходном знатоке истории тюрков, в особенности истории Тимуридов и Средней Азии»³⁴. Что касается инсинуаций Милюкова о «русском расизме» и фашизме Трубецкого, то наиболее убедительный ответ на них дает личная переписка Трубецкого и Савицкого по поводу подвизавшегося около евразийства бывшего белогвардейца Меллера-Закомельского, ставшего поклонником немецкого национал-социализма. 20 мая 1933 г. Трубецкой пишет: утверждения Меллера о том, что «Россия беременна идеей русского фашизма», голословны и ложны. «Что немцы хорошо умеют маршировать, – в этом никто из нас никогда

²⁸ Бердяев Н.А. Евразийцы. С. 134. Содержательный обзор предъевразийских идей представлен в статье: Макаров В.Г., Репников А.В. Как возникло евразийство? // Россия XXI. 2008. № 5. С. 98–125.

²⁹ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому. С. 351.

³⁰ Милюков П.Н. Русский расизм // Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997. С. 331–335.

³¹ Трубецкой Н.С. О расизме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 197–207.

³² Бромберг Я. Евреи и Евразия. М., 2002.

³³ См. о нем: Пащенко В.Я. Хара-Даван Эренжен // Русская философия. Энциклопедия. М., 2014. С. 744–745.

³⁴ Письмо Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому от 20.05.1933 г. // Соболев А.В. О русской философии. М., 2008. С. 371.

не сомневался; что они свою нацию считают первой в мире, а всех остальных презирают – это всем давно было известно, точно так же, как и то, что весь их парламентаризм и демократизм являются одной лишь декорацией»³⁵. У Меллера, по оценке Трубецкого, «сквозь культурный налет евразийского философствования проступила-таки вульгарно-черносотенная, упрости́тельная психология (большевизм – жидовская выдумка, бей жидов – спасай Россию!). Ужасна та среда, которой Меллер окружен. В его организацию вступают, по-видимому, всякие подонки»³⁶.

В последние годы жизни, переехав в Вену и став профессором местного университета, Трубецкой отошел от евразийства, хотя продолжал поддерживать по мере возможностей отношения с единомышленниками. Письма 30-х гг., адресованные «Фридриху Энгельсу евразийства» Петру Савицкому, проникнуты ощущением надвигающейся на Европу новой войны, которую приближают «марширующие немцы». Здесь – осознание трагической оторванности от родины той евразийской идеи, которой отданы годы служения и которой вряд ли суждено воплотиться. Однако Трубецкой не отказался от культуроцентризма основанного им евразийства и подчеркивал, что в области культуры тот путь, который начался с публикации книги «Европа и человечество», в целом был правильным: «Мы оказались великолепными диагностами, недурными предсказателями», правда, «очень плохими идеологами». Последние статьи Трубецкого вызвали гонения нацистских австрийских властей, последовал обыск гестапо, состояние его здоровья резко ухудшилось. Князь Николай Трубецкой – основатель евразийского учения – скончался 25 июня 1938 г.

Список литературы

- Бердяев Н.А.* Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134–139.
- Бромберг Я.* Евреи и Евразия. М.: Аграф, 2002. 319 с.
- Ермишина К.Б.* Князь Н.С. Трубецкой. Жизнь и труды. М.: Синаксис, 2015. 262 с.
- Записки русской академической группы в США. Т. XXXVII. Нью Йорк: Association of Russian-American Scholars in the USA, 2011–2012. 550 с.
- Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Балкан, 1921. 126 с.
- Макаров В.Г., Репников А.В.* Как возникло евразийство? // Россия XXI. 2008. № 5. С. 98–125.
- Милюков П.Н.* Русский расизм // *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 331–335.
- Пащенко В.Я.* Идеология евразийства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 445 с.
- Пащенко В.Я.* Хара-Даван Эренжен // Русская философия. Энциклопедия / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Книжный клуб Книговек, 2014. С. 744–745.
- Письма и заметки Н.С. Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004. 618 с.
- Письмо Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому от 20.05.1933 г. // *Соболев А.В.* О русской философии. СПб.: Мирь, 2008. С. 368–373.
- Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София: Балкан, 1921. С. 86–103.

³⁵ Письмо Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому от 20.05.1933 г. // *Соболев А.В.* О русской философии. С. 370.

³⁶ Там же. С. 383.

- Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания: Собр. ст. Париж: Евразийское книгоизд-во, 1927. 98 с.
- Трубецкой Н.С. О расизме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 197–207.
- Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Русское зарубежье, 2008. 384 с.
- Трубецкой Н.С. Европа и Евразия. М.: Алгоритм, 2014. 304 с.
- Уваров С.С. Проект Азиатской академии // Уваров С.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 65–96.
- Устрялов Н.В. Письма к П.П. Сувчинскому 1926–1930 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. 79 с.

The origins of Erasianism. A dedication to the 100th anniversary of the publication of Nikolai Trubetzkoy “Europe and Mankind”

Mikhail A. Maslin

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation;
e-mail: rf@philos.msu.ru

The article is devoted to the 100th anniversary of the publication of Nikolai Trubetzkoy's "Europe and Mankind", which marked the beginning to the Eurasianism as a postrevolutionary ideological movement. The book initiated a Russian intelligentsia tradition of editing a volume of collected philosophical papers and then further developing the ideas from the volume in journals and various public discussions ("Problems of Idealism", 1902; "Vekhi", 1909 etc.). The book "Europe and Mankind" is the first part of a trilogy contemplated by Trubetzkoy before the Revolution: "On the True and False Nationalism" (the second part) and "The Highs and the Lows of the Russian culture". The trilogy must be viewed as a unique whole united by the two central ideas: "revolution in consciousness" and "defense of nationalism". A "revolution in consciousness" means a rejection of the Roman-Germanic culture as a universal model of all human culture; "defense of nationalism" means building a new type of nonethical and nonpolitical nationalism based on the Eurasian cultural values. The general orientation of the conception of local civilizations with its general peculiarities based by Nikolay Danilevsky and prolonged by Oswald Spengler was not supported by Nikolai Trubetzkoy, who was closer to the cultural-philosophical universalism rather than to the particularism of the theory of cultural-historical types. Trubetzkoy interpreted peoples and cultures as "multipersonal individuals". This is determined by the very nature of the process of producing cultural values because values are the products of creative personalities. According to Trubetzkoy, the reference group that included the Russian culture was not even Slavdom but the whole mankind. Russia itself must be evaluated as a model for mankind because of the multiplicity of cultural matrixes included in its ethnogeographic zones traditionally defined as "East", "West", "North" and "South".

Keywords: Russian culture, Slavic culture, Roman-Germanic culture, Eurasianism, "revolution of consciousness", "defense of nationalism", "true and false nationalism"

For citation: Maslin, M.A. "U istoka evraziistva. K 100-letiyu opublikovaniya knigi knyazya Nikolaya Trubetskogo 'Evropa i chelovechestvo'" [The origins of Erasianism. A dedication to the 100th anniversary of the publication of Nikolai Trubetzkoy "Europe and Mankind"], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 4, pp. 161–178. (In Russian)

References

- Berdyayev, N. "Evraziitsi" [Eurasianists], *Put'*, 1925, No. 1, pp. 134–139. (In Russian)
- Bromberg, Y. *Evrei I Evrazia* [Jews and Eurasia]. Moscow: Agraf Publ., 2002. 319 pp. (In Russian)
- Ermishina, K.B. *Knjaz' N.S. Trubetskoy. Zhizn' i trudi* [Count N.S. Trubetskoy. Life and works]. Moscow: Synaxis Publ., 2015. 262 pp. (In Russian)
- Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhenije evraziitsev* [Exodus to East. Preparations and doings. Declaration of Eurasianists]. Sophia: Balkan Publ., 1921. 126 pp. (In Russian)
- Makarov, V.G. & Repnikov, A.V. "Kak vzniklo evraziistvo?" [How did Eurasianism come about?], *Rossiya XXI*, 2008, No. 5, pp. 98–125. (In Russian)
- Milyukov, P.N. "Russkii rasizm" [Russian racism], in: M.G. Vandalkovskaya, *Istoricheskaya nauka rossiiskoi emigratsii: «Evraziiskii soblazn»* [Historical science of Russian emigration: 'Eurasian temptation']. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 1997, pp. 331–335. (In Russian)
- Pashchenko, V.Ya. "Khara-Davan Erenzhen", *Russkaya filosofiya. Entsiklopediya* [Russian philosophy. Encyclopedia], ed. by M.A. Maslin. Moscow: Knizhny club Knigovek Publ., 2014, pp. 744–745. (In Russian)
- Pashchenko, V.Ya. *Ideologija evraziistva* [Ideology of Eurasianism]. Moscow: Moscow university Publ., 2000. 445 pp. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. "Verkhi i nizi russkoi kul'turi" [Uppers and lowers of Russian culture], *Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya I sversheniya. Utverzhenie evraziitzev* [Exodus to East. Preparations and doings. Declaration of Eurasianists]. Sophia: Balkan Publ., 1921, pp. 86–103. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. *K probleme russkogo samopoznaniya: Sbornik statei* [On the problem of Russian self-consciousness: Collected articles]. Paris: Eurasian Publ., 1927. 98 pp. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. "O rasizme" [On racism], in: N.S. Trubetskoy, *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: Progress Publ., 1995, pp. 197–207. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. *Pis'ma i zametki* [Letters and notes]. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2004. 618 pp. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. *Pis'ma k P.P. Suvchinskomu: 1921–1928* [Letters to P.P. Suvchinsky: 1921–1928], ed. by K.B. Ermishina. Moscow: Russian Emigration Publ., 2008. 384 pp. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. "Pis'mo P.N. Savitskomu 20.05.1933" [Letter to P.N. Savitsky 20.05.1933], in: A.V. Sobolev, *O russkoi filosofii* [On Russian philosophy]. Moscow: Mir Publ., 2008, pp. 368–373. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. *Evropa i Evraziya* [Europe and Eurasia]. Moscow: Algoritm Publ., 2014. 304 pp. (In Russian)
- Ustrialov, N.V. *Pis'ma k P.P. Suvchinskomu 1926–1930* [Letters to P.P. Suvchinsky 1926–1930], ed. by K.B. Ermishina. Moscow: A. Solzhenitsin House of Russian Emigration Publ., 2010. 79 pp. (In Russian)
- Uvarov, C.C. "Proiect Aziatskoi akademii" [Project of Asian academy], in: S.S. Uvarov, *Izbrannye trudi* [Collected works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 65–96. (In Russian)
- Zapiski russkoi akademicheskoi gruppi v SSHA* [Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA], Vol. XXXVII. New York: Association of Russian-American Scholars in the USA, 2011–2012. 550 pp. (In Russian and English)